

Оригинальная статья

УДК 159.922.4, 159.9.07
doi: 10.11621/npj.2021.0106

Вступление в межкультурный брак: факторы выбора брачного партнера

М.В. Алагуев, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-9261-6202

Для контактов. E-mail: malaguev@hse.ru

Актуальность. Межкультурные браки представляют собой модель межкультурных отношений на микроуровне и могут помочь понять меняющееся общество эпохи глобализации.

Цель: выявление отношения к вступлению в межкультурный брак и факторов, влияющих на выбор инокультурного брачного партнера у русских и бурят в Республике Бурятия.

Описание хода исследования. Исследование проводилось в 2020 г. в Республике Бурятия с помощью социально-психологического опроса на онлайн-платформе. Выборка (использовался метод «снежный ком») включала представителей 2-х этнических групп: русские ($N = 111$) и буряты ($N = 102$).

Результаты исследования. Отношение к вступлению в межкультурные браки в обеих группах выше среднего, при этом значимых различий между группами не выявлено. Отрицательное отношение к межкультурным бракам среди бурят в большей степени, чем среди русских, определялось факторами, отражающими принятие межкультурных браков родственниками, близкими и обществом в целом. Среди русских больше, чем среди бурят, отрицательное отношение к таким бракам связано с факторами, отражающими несовпадение личностных характеристик будущего супруга (ценностей, норм поведения) и правил межличностного общения. И для русских, и для бурят отрицательное отношение к вступлению в межкультурный брак связано со значимостью культурных факторов, сопряженных с повседневным общением (прием, приготовление пищи), особенностями воспитания детей и религиозными убеждениями.

Заключение. В целом общий благоприятный «дух времени», сложившийся в Бурятии в отношении межкультурных браков, способствует толерантному отношению к заключению таких супружеских союзов и у русских, и у бурят.

Ключевые слова: межкультурный брак, установки на межкультурный брак, факторы выбора инокультурного супруга.

Для цитирования: Алагуев М.В. Вступление в межкультурный брак: факторы выбора брачного партнера // Национальный психологический журнал. 2021 № 1 (41). С. 63–75. doi: 10.11621/npj.2021.0106

Поступила 7 февраля 2021 / Принята к публикации 10 марта 2021

Entry into intercultural marriage: factors of spouse choice

Mikhail V. Alaguev, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-9261-6202

Corresponding author. E-mail: malaguev@hse.ru

Background. Intercultural marriages are micro-level models of intercultural relations and can help to understand the changing society of the globalization era.

The objective. Revealing attitudes towards entry into intercultural marriage and factors influencing the choice of a foreign cultural marriage partner among Russians and Buryats in the Republic of Buryatia.

Design. The study was conducted in 2020 in the Republic of Buryatia using a socio-psychological survey on online platform. The convenience sample was used (the “snowball” method). The sample included representatives of 2 groups: Russians (N = 111) and Buryats (N = 102).

Results. The analysis showed that the attitude towards entry into intercultural marriage in these groups is above average, while no significant differences were found between the groups. The negative attitude towards intercultural marriages among Buryats to a greater extent than among Russians was determined by factors reflecting the acceptance of intercultural marriages by relatives, loved ones and society in general, which was more significant for the Buryats. Among the Russians, more than among the Buryats, negative attitudes were interconnected with factors reflecting personal characteristics of the future spouse (values, norms of behavior) and interpersonal communication. For both the Russians and the Buryats, negative attitude towards entering into intercultural marriages is associated with the importance of proximity of cooking traditions, naming, raising children and their identity, as well as religious beliefs.

Conclusion. The general favorable “Zeitgeist” in Buryatia towards intercultural marriages contributes to the tolerant attitude towards the creation of such married couples among both the Russians and the Buryats.

Keywords: intercultural marriage, attitudes towards intercultural marriage, factors of choosing spouse of a different culture.

For citation: Alaguev M.V. (2021). Entry into intercultural marriage: factors of spouse choice. National Psychological Journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], 14 (1), 63–75 . doi: 10.11621/npj.2021.0106

Received February 7, 2021 / Accepted for publication March 10, 2021

Введение

Благодаря глобализации, ранее существовавшие социальные барьеры со временем устраняются, что позволяет людям быть более открытыми к межкультурному контакту на самых разных уровнях, вплоть до межкультурных браков, являющихся важнейшим показателем межкультурных отношений (Skowronski et al., 2014). Как отмечают исследователи, количество межкультурных браков стабильно растет во всем мире (Fletcher et al., 2014; Markus, Kitayama, 1998; Heikkilä, Rauhut, 2015).

Существует множество определений, которыми обозначаются браки между представителями разных культур: смешанный брак (mixed marriage) (Rahnu et al., 2020); межкультурный брак (intercultural marriage) (Ростовская, Ростовская, 2016; Mcfadden, Moore, 2001); национально-смешанный, этнически-смешанный брак (Гриценко, 1991; Ташева и др., 2016); межнациональный брак (Бокова, 2007), интернациональный (international), транснациональный (transnational) брак (Chang, 2016; Gaspar, Ferreira, & Ramos, 2017), межэтнический (interethnic), биэтнический (bi-ethnic) брак (Gorenburg, 2006; McDoom, 2019) и др.

Эти определения имеют различия, но частично совпадают (Sullivan, Cottone, 2006). Различия обуслов-

Благодаря глобализации, ранее существовавшие социальные барьеры со временем устраняются, что позволяет людям быть более открытыми к межкультурному контакту на самых разных уровнях, вплоть до межкультурных браков, являющихся важнейшим показателем межкультурных отношений.

лены изначальными терминами «национальность», «этнос», «культура». В данной работе мы будем использовать понятие «межкультурный брак», исследуя супружеский союз представителей двух культур (двух этносов и двух религиозных конфессий), который порождает взаимодействие этих социальных систем в достаточно маленьком, но очень важном частном случае — семье (Campbell et al., 2012).

На значимость не только этнической, но и религиозной принадлежности указывали Bin-Tahir, Bugis и Tasiana (Bin-Tahir et al., 2017), выявившие, что межкультурное взаимодействие (межрелигиозное и межэтническое) в семье способствует формированию

общей социальной идентичности у членов семьи, так как культурно (этнически и религиозно) различные супруги могут интегрироваться в одно общество, приобретая знания о культуре партнера. Осведомленность о культурном разнообразии является ключом к успеху межкультурного общения (Bin-Tahir et al., 2017). Е.Ю. Чеботарева и М.И. Волк пишут, что изучение межкультурных семей зачастую не включает контроль такой переменной, как религиозная принадлежность супругов, что может объяснить рассогласованность данных различных ученых, исследующих феномен межкультурной брачности (Chebotareva, Volk, 2020).

Исследование отношения к вступлению в межкультурные браки и факторов, его обуславливающих

Существует множество различных моделей, объясняющих мотивы вступления в брак, в том числе межкультурный. Согласно научным данным, на намерение и подход человека к вступлению в брак влияют такие факторы, как сходство по расе, происхождению, религиозной и социальной принадлежности, ценностным ориентациям и совпадению базовых потребностей (Ильин, 2012; Centers, 1975), физическая

привлекательность партнера (Buss, Schmitt, 1993), а также такие демографические и социокультурные факторы, как возраст, пол, этническая принадлежность и уровень образования (Quisumbing, Hallman, 2003; Rezadost, Mombeni, 2011; Matysiak et al., 2012; Abela, Walker, 2014; Hayford et al., 2014; Yang, Yen, 2014).

Антропологи при изучении отношения к межкультурным бракам обращают внимание на культурные сходства и различия в нормах, табу, моделях поведения и пр. (Henrich et al., 2012; Walker et al., 2011). Брачные практики значительно различаются от культуры к культуре, начиная от строгих предписаний и браков по договоренности в некоторых обществах, до в основном нерегулируемых ухаживаний — в других, от присутствия до отсутствия брачных услуг и выкупа за невесту, а также от полиандрии до полигинных союзов (Walker et al., 2011). Можно сказать, что антро-

Михаил Викторович Алагуев —

аспирант, аспирантская школа по психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ORCID: 0000-0002-9261-6202

<https://www.hse.ru/org/persons/254303286>

Mikhail V. Alaguev —

Ph.D. student, Doctoral School of Psychology, National Research University Higher School of Economics

ORCID: 0000-0002-9261-6202

пологи анализируют взаимодействие представителей разных культур в рамках брачного союза.

Одним из важных направлений социологии семьи является изучение готовности вступления в брак, в том числе и межкультурный. По мнению З.В. Сике-

Брачные практики значительно различаются от культуры к культуре, начиная от строгих предписаний и браков по договоренности в некоторых обществах, до в основном нерегулируемых ухаживаний — в других, от присутствия до отсутствия брачных услуг и выкупа за невесту, а также от полиандрии до полигинных союзов.

вич и Ю.А. Поссель (2019), готовность человека вступить в брак с представителем иной национальности, создать с ним семью и родить детей является высшей формой преодоления этносоциальной дистанции, то есть наличием установок на толерантность. Проведенный опрос показал, что к появлению невестки иной национальности или религии среди россиян в целом отрицательно или в зависимости от национальности относятся 21,6% отцов и 24,3% матерей. Зятья другой национальности не хотели бы принимать в семью 28,9% отцов и 34,9% матерей. Подобное различие в восприятии невестки и зятя З. В. Сикевич и Ю.А. Поссель объясняют патриархальными стереотипами, доминирующими как в русской, так и в инокультурной среде — у сына, как правило, больше шансов приучить жену к собственным «правилам жизни» (Сикевич, Поссель, 2019).

В американской социологической традиции межкультурные браки часто рассматриваются через призму расы. В исследовании Kroeger и Williams (Kroeger, Williams 2007) отмечается, что межрасовые романтические отношения редко эволюционируют в браки и, если это происходит, в межрасовых браках вероятность развода выше, чем между представителями «одного цвета кожи». Bramlett и Mosher (Bramlett, Mosher, 2002), используя опросник National Survey of Family Growth, обнаружили, что в течение первых десяти лет распадаются 31% моноэтнических браков, тогда как для межэтнических браков эта цифра составила 41%.

В психологии часто исследователи сравнивают межкультурные и монокультурные браки. Gaines, Clark и Afful (Gaines et al., 2015) указывали, что как межкультурные, так и монокультурные пары сталкиваются в браке с такими проблемами, как взаимное приспособление к различным привычкам, настроениям и образу жизни. В обоих типах семьи супруги разделяют базовые потребности в любви, поддержке, доверии и уважении друг к другу, необходимые для удовлетворенности супружескими отношениями (Skowronski et al., 2014). Однако межкультурные пары имеют большое число отличий от монокультурного брака, что позволяет рассматривать их как уникальную модель отношений.

Как отмечается в работах Bhugra и De Silva, межкультурные союзы имеют повышенный, относительно монокультурных браков, риск распада, а также

характеризуются более стрессогенными взаимоотношениями и менее высокой удовлетворенностью браком (Bhugra, De Silva, 2000).

Проведенные исследования на Гавайских островах показали, что межэтнические и межрелигиозные браки с участием японцев, филиппинцев, гавайцев и белых были менее стабильными, чем браки представителей моноэтнических групп (Fu, 2006; Fu et al., 2001).

Однако в ряде исследований отмечается, что удовлетворенность браком в межкультурных семьях может быть выше, чем в монокультурных (Troy et al., 2006). Недавние исследования показывают, что для межкультурных пар идентификация с чужой группой положительно влияет на удовлетворенность супругов жизнью и друг другом при условии, что они не считают себя дискриминируемыми (Novara et al., 2020).

Е.Ю. Чеботарева и М.И. Волк указывают, что в межкультурных парах значимость культурных различий может быть ослаблена личностным развитием и схожим уровнем образования супругов, а также в случае создания собственной культуры отношений, которая не исключает норм и ценностей кого-то одного из супругов (Chebotareva, Volk, 2020). В.Н. Галяпина отмечает, что наибольшее влияние на снижение уровня неудовлетворенности взаимоотношениями супругов в межэтническом браке оказывают: этническая и религиозная толерантность супругов к этносам брачных партнеров, наличие межэтнических дружеских контактов и стремление к межкультурной интеграции в семейных отношениях, а также субъективное восприятие супругами социальной близости их этнических групп (Галяпина, 2002).

В межкультурных парах значимость культурных различий может быть ослаблена личностным развитием и схожим уровнем образования супругов, а также в случае создания собственной культуры отношений, которая не исключает норм и ценностей кого-то одного из супругов.

Все вышеизложенное демонстрирует неоднозначность данных об отношении к вступлению в межкультурные браки и факторов, влияющих на выбор инокультурного брачного партнера.

Исследование отношения к межкультурным бракам в Республике Бурятия

Исследование проблем межкультурных браков и отношения к ним в Республике Бурятия является традиционным. Бурятия — это национальная республика, 29,51% населения которой составляет коренное население — буряты. Русские составляют 64,91%, третий по численности этнос (татары) составляет менее 1% населения (Федеральная служба ..., 2010). Проживающие на территории республики этнические и религиозные группы имеют богатую историю сосуществования.

Сегодня в Бурятии отмечается интенсивный рост традиционно-исторического, этнического и религиозного самосознания бурятского этноса (Дугарова, 2010). Буряты — один из этносов Центральной Азии,

Бурятия — это религиозно разнообразная территория, где проживают народы, исповедующие различные верования, в том числе православие, буддизм, шаманизм и синкретические формы, сочетающие эти конфессиональные традиции. Roof определяет Бурятию как место, где границы религий находятся под вопросом, если не открыто оспариваются и отрицаются.

сформировавшийся на территории Прибайкалья в XVI–XVII вв. Историческая память, интегрированная в мифах, легендах, преданиях, имеет большое значение для бурят (Дугарова, 2010). Этническая идентичность бурятского этноса во многом подвержена влиянию исторической памяти народа о трех системах ценностей: традиционных верованиях (шаманизме), ламаизме (буддизме школы Гелугпа) и «эпическом героизме» (народном эпосе «Гэсэр», описывающем легендарного национального героя бурят — Гэсэра) (Намауон, 1998).

По данным исследований 2010 г. число бурят в Республике Бурятия, владеющих русским языком, достигает 99,25%, при этом для большинства он является родным. При этом бурятским языком владеет лишь 45,4%. Можно сказать, что почти все носители бурятского языка являются носителями разных форм билингвизма (Степанова, 2016; Дырхеева, 2018). Отсутствие языкового барьера позитивно влияет на формирование благоприятной среды межэтнических контактов между русскими и бурятами.

Бурятия — это религиозно разнообразная территория, где проживают народы, исповедующие различные верования, в том числе православие, буддизм, шаманизм и синкретические формы, сочетающие эти конфессиональные традиции. Roof определяет Бурятию как место, где границы религий находятся под вопросом, если не открыто оспариваются и отрицаются (Roof, 1998). Представители разных религиозных групп в Бурятии, как правило, дружелюбны друг к другу. Данные, полученные Holland при исследовании жителей столицы Бурятии — Улан-Удэ, показали, что 53,6% русских и 75,7% бурят высказываются за то, чтобы праздники иных религиозных групп имели государственное признание, и только 7,2% русских и 4,3% бурят высказались против этого (Holland, 2014). Многие бурятские семьи были крещены в течение XVIII–XIX вв., а также немалое число русских на территории Бурятии исповедуют буддизм, что позволяет сделать вывод о широчайшем разнообразии сочетаний этнической и религиозной принадлежностей на территории Бурятии (Zhukovskaya, 1998).

Исследование межэтнических супружеских союзов в период с 1979 по 2001 гг. выявило, что в Бурятии отсутствуют устойчивые установки против межкультурных браков (Махарова, 2003). В 2010 году межэтнические браки составляли 12,0% от общего числа заключенных браков в республике, причем подавляющее большинство из них — между русскими и бурятами (Трифонов, 2014). Стоит отметить, что с го-

дами этот показатель колебался в диапазоне от 10,9% в 1979 году до максимума в 14,9% в 2006 году, но более серьезных отклонений не наблюдалось. В целом по России в 2010 году около 12,0% браков были межэтническими, что совпадает с аналогичным показателем по Республике Бурятия (Соболевская, 2015).

Опираясь на все вышеизложенное, в данном исследовании мы фокусировались на изучении отношения к межкультурным бракам и факторах

выбора супруга иной культуры среди русских и бурят в Бурятии.

Проведение исследования

Процедура. Наше исследование проводилось в декабре 2019 — феврале 2020 гг. в Республике Бурятия с помощью социально-психологического опроса. Для проведения исследования использовалась онлайн-платформа. Выборка удобная, при формировании выборки использовался метод «снежный ком».

Выборка. В выборку вошли представители двух групп: русские ($N = 111$) и буряты ($N = 102$). В табл. 1 представлены гендерные, возрастные характеристики выборки, уровень образования и религиозная принадлежность респондентов.

Инструментарий. Отношение к вступлению в межкультурные браки оценивалось 2 вопросами, сформулированными авторами исследования: «Насколько комфортно было бы Вам, если бы Ваш/а будущий/ая супруг/а был/а представителем иной национальности?», «Насколько комфортно было бы Вам, если бы Ваш/а будущий/ая супруг/а был/а представителем иной религии?». Варианты ответов кодировались следующим образом: 1 — «Очень некомфортно», 2 —

Таблица 1. Социально-демографические характеристики респондентов

	Буряты	Русские
Пол		
Женщины	72 (70,6%)	91 (82,0%)
Мужчины	30 (29,4%)	20 (18,0%)
Возраст		
Среднее (стд, отклонение)	26,71 (7,45)	25,88 (7,49)
Образование		
Неполное среднее	2 (2,0%)	5 (4,5%)
Общее среднее	12 (11,8%)	16 (14,4%)
Средне-специальное, среднее профессиональное	10 (9,8%)	12 (10,8%)
Высшее	78 (76,5%)	78 (70,3%)
Отношение к религии		
Не исповедую никакой религии	25 (24,5%)	29 (26,1%)
Буддизм	64 (62,7%)	5 (4,5%)
Православие	1 (1,0%)	67 (60,4%)
Иное	12 (11,8%)	10 (9,0%)
Итого	102 (100,0%)	111 (100,0%)

Table 1. Social-demographic characteristics of the respondents

	Buryats	Russians
Gender		
Women	72 (70.6%)	91 (82.0%)
Men	30 (29.4%)	20 (18.0%)
Age		
Average (standard deviation)	26.71 (7.45)	25.88 (7.49)
Education		
Incomplete secondary education	2 (2.0%)	5 (4.5%)
Secondary education	12 (11.8%)	16 (14.4%)
Secondary special education, Secondary professional education	10 (9.8%)	12 (10.8%)
Higher education	78 (76.5%)	78 (70.3%)
Attitude to religion		
No religious beliefs	25 (24.5%)	29 (26.1%)
Buddhism	64 (62.7%)	5 (4.5%)
Orthodox Christianity	1 (1.0%)	67 (60.4%)
Other	12 (11.8%)	10 (9.0%)
Total	102 (100.0%)	111 (100.0%)

«Скорее некомфортно», 3 — «Не знаю, не уверен», 4 — «Скорее комфортно», 5 — «Очень комфортно».

Значимость для респондентов факторов, актуализирующихся при выборе брачного партнера другой культуры, измерялась с помощью шкалы культурной дистанции Galchenko и Van de Vijver (2007), содержащей вопрос: «Если бы Вы выбирали брачного партнера другой культуры, на какие факторы Вы бы обратили внимание?» и включающей 12 возможных ответов-утверждений на него. Каждый из 12 факторов (например, «Близость традиций приготовления пищи и организации трапезы», «Близость форм от-

ношений между родителями и детьми, стилей родительского воспитания» и пр.) необходимо было оценить по шкале от 1 — «Совершенно не важно» до 5 — «Принципиально важно».

Результаты

На первом этапе мы сравнили средние значения всех исследуемых переменных в двух группах. Сравнение с помощью MANOVA с этнической принадлежностью в качестве независимой переменной и отношением к вступлению в брак с представителем другой этнической и религиозной группы и факторами выбора партнера в качестве зависимых переменных показал, что в двух группах не выявлены значимые различия. Wilks' $\Lambda = 0,923$, $F(14,198) = 1,19$, $p = 0,29$, $\eta^2 = 0,077$.

Различия по отдельным показателям, полученные посредством ANOVA, так же не были значимыми (результаты представлены в табл. 2).

Статистически значимых различий между этническими группами выявлено не было. В двух случаях допустимо говорить о тенденциях: «Близость традиций имянаречения детей» и «Близость традиций приготовления пищи и организации трапезы». Традиции имянаречения детей более значимы для русских, а традиции приготовления пищи и организации трапезы — для бурят. В целом результаты показали, что и у русских, и у бурят в Бурятии достаточно близкие взгляды как на межкультурные браки, так и на факторы, влияющие на выбор супруга другой культурной принадлежности.

Для изучения взаимосвязи отношения к вступлению в межкультурный брак с социально-психологическими факторами выбора супруга другой культуры

Таблица 2. Результаты сравнения переменных у русских и бурят в Республике Бурятия (максимальная оценка — 5)

	Буряты	Русские	F	Partial η^2
	M (SD)			
Отношение к вступлению в межкультурный брак				
Отношение к вступлению в брак с представителем иной этничности	3,61 (1,04)	3,49 (1,05)	0,718	0,003
Отношение к вступлению в брак с представителем иной религии	3,17 (1,07)	3,03 (1,19)	0,807	0,004
Факторы, влияющие на выбор инокультурного брачного партнера				
Близость норм поведения, ценностей	3,78 (0,89)	3,77 (1,01)	0,005	0,000
Отсутствие языкового барьера	3,72 (1,17)	3,80 (1,16)	0,290	0,001
Близость религиозных убеждений	3,25 (1,13)	3,23 (1,24)	0,004	0,000
Близость традиций этнической, культурной и расовой идентичности будущих детей	3,13 (1,17)	3,03 (1,19)	0,387	0,002
Близость традиций имянаречения детей	2,84 (1,20)	3,03 (1,21)	1,238	0,006
Близость форм отношений между родителями и детьми, стилей родительского воспитания	3,66 (1,00)	3,52 (1,09)	0,877	0,004
Схожие ожидания в отношении гендерной роли и разделения домашнего труда	3,48 (1,11)	3,52 (1,04)	0,082	0,000
Близость традиций приготовления пищи и организации трапезы	3,21 (1,16)	3,01 (1,25)	1,404	0,007
Схожие роли, ожидания и особенности общения с близкими родственниками, знакомыми	3,39 (1,07)	3,37 (1,14)	0,023	0,000
Принятие разноэтнических браков родными и близкими Вашего потенциального брачного партнера	3,14 (1,20)	3,08 (1,24)	0,113	0,001
Принятие Вашими родными и близкими разноэтнических браков	2,99 (1,16)	3,02 (1,32)	0,026	0,000
Положительное отношение в обществе к разноэтническим бракам	2,88 (1,18)	2,73 (1,30)	0,800	0,004

Table 2. Results of comparing variables in Russians and Buryats in the Republic of Buryatia (maximal value — 5)

	Buryats	Russians	F	Partial η^2
	M (SD)			
Attitude towards entry into intercultural marriage				
Attitude towards entry into marriage with a person of different ethnicity	3.61 (1.04)	3.49 (1.05)	0.718	0.003
Attitude towards entry into marriage with a person of a different religious group	3.17 (1.07)	3.03 (1.19)	0.807	0.004
Factors influencing the choice of a spouse of different culture				
Affinity of values and norms of behaviour	3.78 (0.89)	3.77 (1.01)	0.005	0.000
Absence of language barrier	3.72 (1.17)	3.80 (1.16)	0.290	0.001
Affinity of religious beliefs	3.25 (1.13)	3.23 (1.24)	0.004	0.000
Affinity of traditions, ethnical, cultural, racial identity of the future children	3.13 (1.17)	3.03 (1.19)	0.387	0.002
Affinity of child-naming traditions	2.84 (1.20)	3.03 (1.21)	1.238	0.006
Affinity of parent-child relationship types and styles of upbringing	3.66 (1.00)	3.52 (1.09)	0.877	0.004
Affinity of expectations with respect to gender role and home routine division	3.48 (1.11)	3.52 (1.04)	0.082	0.000
Affinity of cooking traditions and meals organization	3.21 (1.16)	3.01 (1.25)	1.404	0.007
Similar roles, expectations and peculiarities of communication with family members and friends	3.39 (1.07)	3.37 (1.14)	0.023	0.000
Acceptance of intercultural marriages by family and friends of respondents' potential spouse	3.14 (1.20)	3.08 (1.24)	0.113	0.001
Acceptance of intercultural marriages by family and friends of respondents	2.99 (1.16)	3.02 (1.32)	0.026	0.000
Society's positive attitude to intercultural marriages	2.88 (1.18)	2.73 (1.30)	0.800	0.004

среди бурят и русских мы использовали корреляционный анализ. Полученные результаты представлены в табл. 3.

Результаты, представленные в табл. 3, показывают, что русские в Бурятии отрицательно относятся к вступлению в межэтнический брак, если для них важны: близость норм поведения, ценностей будущего супруга; отсутствие языкового барьера, близость религиозных убеждений; близость традиций этнической, культурной и расовой идентичности будущих детей; близость традиций имянаречения детей; близость

форм отношений между родителями и детьми, стилей родительского воспитания; близость традиций приготовления пищи и организации трапезы; схожие роли, ожидания и особенности общения с близкими родственниками, знакомыми; принятие разноэтнических браков родными и близкими потенциального брачного партнера; принятие собственными родными и близкими разноэтнических браков. Мы не выявили статически значимой взаимосвязи только в отношении двух факторов: схожих ожиданий в отношении гендерной роли и разделения домашнего

Таблица 3. Взаимосвязь отношения к вступлению в межкультурный брак с факторами выбора супруга

Фактор	Отношение к вступлению в брак с представителем иной этничности		Отношение к вступлению в брак с представителем иной религии	
	Буряты	Русские	Буряты	Русские
	Близость норм поведения, ценностей	-0,125	-0,205*	-0,129
Отсутствие языкового барьера	-0,125	-0,241*	-0,238*	-0,128
Близость религиозных убеждений	-0,289**	-0,263**	-0,459***	-0,519***
Близость традиций этнической, культурной и расовой идентичности будущих детей	-0,286**	-0,338***	-0,239*	-0,297**
Близость традиций имянаречения детей	-0,361***	-0,361***	-0,233*	-0,222*
Близость форм отношений между родителями и детьми, стилей родительского воспитания	-0,313**	-0,352***	-0,352***	-0,364***
Схожие ожидания в отношении гендерной роли и разделения домашнего труда	-0,119	-0,151	-0,202*	-0,173
Близость традиций приготовления пищи и организации трапезы	-0,195*	-0,334***	-0,274**	-0,257**
Схожие роли, ожидания и особенности общения с близкими родственниками, знакомыми	-0,110	-0,228*	-0,212*	-0,230*
Принятие разноэтнических браков родными и близкими Вашего потенциального брачного партнера	-0,266**	-0,191*	-0,302**	0,011
Принятие Вашими родными и близкими разноэтнических браков	-0,200*	-0,216*	-0,244*	-0,012
Положительное отношение в обществе к разноэтническим бракам	-0,297**	-0,176	-0,164	-0,048

Примечание: *** — корреляция значима на уровне $p < 0,001$; ** — корреляция значима на уровне $p < 0,01$; * — корреляция значима на уровне $p < 0,05$.

Table 3. Correlation between attitude towards entry into intercultural marriage and factors of spouse choice

Factor	Attitude towards entry into marriage with a person of different ethnicity		Attitude towards entry into marriage with a person of a different religious group	
	Buryats	Russians	Buryats	Russians
Affinity of values and norms of behaviour	-0.125	-0.205*	-0.129	-0.261**
Absence of language barrier	-0.125	-0.241*	-0.238*	-0.128
Affinity of religious beliefs	-0.289**	-0.263**	-0.459***	-0.519***
Affinity of traditions, ethnical, cultural, racial identity of the future children	-0.286**	-0.338***	-0.239*	-0.297**
Affinity of child-naming traditions	-0.361***	-0.361***	-0.233*	-0.222*
Affinity of parent-child relationship types and styles of upbringing	-0.313**	-0.352***	-0.352***	-0.364***
Affinity of expectations with respect to gender role and home routine division	-0.119	-0.151	-0.202*	-0.173
Affinity of cooking traditions and meals organization	-0.195*	-0.334***	-0.274**	-0.257**
Similar roles, expectations and peculiarities of communication with family members and friends	-0.110	-0.228*	-0.212*	-0.230*
Acceptance of intercultural marriages by family and friends of respondents' potential spouse	-0.266**	-0.191*	-0.302**	0.011
Acceptance of intercultural marriages by family and friends of respondents	-0.200*	-0.216*	-0.244*	-0.012
Society's positive attitude to intercultural marriages	-0.297**	-0.176	-0.164	-0.048

Note: *** — level of statistical significance $p < 0.001$; ** — level of statistical significance $p < 0.01$; * — level of statistical significance $p < 0.05$.

труда; положительного отношения в обществе к разноэтническим бракам.

Отношение к межконфессиональному браку у русских взаимосвязано с близостью норм поведения, ценностей будущего супруга; близостью религиозных убеждений; близостью традиций этнической, культурной и расовой идентичности будущих детей; близостью традиций имянаречения детей; близостью форм отношений между родителями и детьми, стилей родительского воспитания; близостью традиций приготовления пищи и организации трапезы; схожими ролями, ожиданиями и особенностями общения с близкими родственниками, знакомыми.

У бурят отрицательное отношение к вступлению в межэтнический брак связано с тем, что для них имеет большое значение: близость религиозных убеждений; близость традиций этнической, культурной и расовой идентичности будущих детей; близость традиций имянаречения детей; близость форм отношений между родителями и детьми, стилей родительского воспитания; близость традиций приготовления пищи и организации трапезы; принятие разноэтнических браков родными и близкими потенциального брачного партнера; принятие собственными родными и близкими разноэтнических браков; положительное отношение в обществе к разноэтническим бракам.

Как показали результаты, у бурят отрицательное отношение к межконфессиональному браку связано с такими факторами, как: отсутствие языкового барьера; близость религиозных убеждений; близость традиций этнической, культурной и расовой идентичности будущих детей; близость традиций имянаречения детей; близость форм отношений между родителями и детьми, стилей родительского воспитания; сходство ожиданий в отношении гендерных ролей и разделе-

ния домашнего труда; близость традиций приготовления пищи и организации трапезы; сходство ролей, ожиданий общения с близкими родственниками, знакомыми; принятие разноэтнических браков родными и близкими потенциального брачного партнера; принятие собственными родными и близкими разноэтнических браков.

Обсуждение результатов

Данное исследование было сфокусировано на изучении социально-психологических факторов, которые имеют значение при выборе инокультурного супруга и в целом на отношении к вступлению в межкультурный брак. Полученные результаты позволили установить, что положительное отношение к вступлению в межкультурные браки среди русских и бурят Республики Бурятия выше среднего, при этом значимых различий не выявлено между представителями

Полученные результаты позволили установить, что положительное отношение к вступлению в межкультурные браки среди русских и бурят Республики Бурятия выше среднего, при этом значимых различий не выявлено между представителями данных этнических групп.

данных этнических групп. Возможно, это связано с тем, что на обе этнические группы в целом влияет общий ценностный климат «дух времени» (Puohiniemi, Verkasalo, 2020), который сложился в республике, и который характеризуется толерантным отношением к межкультурным бракам (Трифоновна, 2014; Соболевская, 2015). К заключению межэтнического брака и буряты, и русские относятся более позитивно, чем к заключению межконфессионального.

Что касается факторов, которые имели бы значение при выборе партнера другой культуры, то здесь так

же между бурятами и русскими не выявлено значимых различий. Однако на уровне тенденции можно сказать, что более значимым для русских является фактор близости традиций имянаречения детей, а для бурят — близость традиций приготовления пищи и

Для обеих этнических групп при выборе инокультурного брачного партнера значимыми оказались такие факторы, как близость религиозных убеждений, особенности воспитания детей (их этническая, культурная и расовая идентичность, имянаречение и стили родительского воспитания), а также традиции приготовления пищи и организации трапезы.

организации трапезы. Возможно, использование традиционных имен для русских и традиционная трапеза для бурят являются важными «маркерами» принадлежности к культуре и в наибольшей степени воспринимаются индикаторами культурной дистанции. Бурятская национальная кухня, как отмечается в литературе, тесно связывает этнос с кочевым прошлым и сопряжена с целым рядом ритуалов и обычаев (Алагуева, 2006). Традиции имянаречения в русской культуре начала XXI в. претерпели изменения, среди которых выделяется возвращение древних славянских и забытых христианских имен. Имянаречение в настоящее время связано, с одной стороны, с благозвучием и оригинальностью, с другой — с возрастающей популярностью традиционных имен с признаками модного имени (Врублевская, 2017). Кроме этого, данная традиция у русских и бурят сильно отличается, и достаточно сильно отличаются традиционные имена.

Для обеих этнических групп при выборе инокультурного брачного партнера значимыми оказались такие факторы, как близость религиозных убеждений, особенности воспитания детей (их этническая, культурная и расовая идентичность, имянаречение и стили родительского воспитания), а также традиции приготовления пищи и организации трапезы. Эти факторы, как правило, культурно обусловлены и, возможно, в русской и бурятской культурах имеют

Возможно, современное общество Бурятии переживает трансформацию ценностей, порожденную изменениями в духе времени (zeitgeist effects), которые происходят, когда резкие общесистемные изменения условий вызывают глобальный сдвиг ценностей каждого члена общества, независимо от возраста, этнической и религиозной принадлежности.

значительные различия, поэтому являются наиболее значимыми. То есть, можно сказать, что, если человек воспринимает, что потенциальный брачный партнер культурно далек от него в таких позициях, как традиции приготовления пищи, воспитания детей, имянаречение, идентичность детей, религиозные убеждения, то его отношение к вступлению в брак с таким партнером будет отрицательным.

Факторы, отражающие принятие межкультурных браков «малым» (родственники, близкие) и «большим» (все общество республики) обществами, были более значимы для бурят. Возможно, это обусловлено

большой традиционностью бурятской культуры, коллективизмом, ориентированностью скорее на группу, чем отдельную личность. Это согласуется с исследованием Albarracin и Shavitt, отмечавших, что современные установки в восточной, традиционной культуре претерпевают значительные изменения, однако остаются ориентированными на социальные ожидания, нормы и предписания, в отличие от установок западной культуры, где больше ценится личная свобода и индивидуальные предпочтения (Albarracin, Shavitt, 2018).

Наше исследование также показало, что факторы, отражающие личностные особенности и межличностное общение: близость норм поведения, ценностей, схожие роли, ожидания и особенности общения с близкими родственниками, знакомыми оказались более важны для русских и при этом отрицательно взаимосвязаны с отношением к вступлению в межкультурный брак. Возможно, среди русских как представителей более индивидуалистической культуры (по сравнению с бурятской) большее значение при выборе супруга имеют личностные характеристики (Albarracin, Shavitt, 2018).

В целом наши результаты демонстрируют близкие паттерны взаимосвязей у русских и бурят. Возможно, современное общество Бурятии переживает трансформацию ценностей, порожденную изменениями в духе времени (zeitgeist effects), которые происходят, когда резкие общесистемные изменения условий вызывают глобальный сдвиг ценностей каждого члена общества, независимо от возраста, этнической и религиозной принадлежности. Современные исследования подтверждают, что дух времени оказывает влияние на глобальное изменение ценностей, установок, отношений всех членов общества (Puohiniemi, Verkasalo, 2020).

Имеющиеся в обеих этнических группах различия значимости факторов выбора супруга между межэтническими и межрелигиозными браками согласуются с данными о том, что межэтнические и межрелигиозные браки нужно изучать вместе (Chebotareva, Volk, 2020), так как и этническая, и религиозная составляющая культурной принадлежности оказывают влияние на отношение к межкультурным бракам и выбору супруга иной культуры.

В качестве дальнейшего развития данной проблематики можно выделить проведение эксплораторного факторного анализа с целью снижения размерности факторов и выделения более общих паттернов взаимосвязей.

Результаты данного исследования могут быть полезны психологам, работающим с молодежью, при подготовке ее к семейной жизни, а также в семейном консультировании.

Литература

- Алагуева В.П. Золотая книга о бурятах. Улан-Удэ, 2006. С. 35–37.
- Бокова Т.Л. Основные тенденции в развитии многонациональной семьи в Российском обществе // Известия Томского политехнического университета. 2007. № 7. Т. II. С. 101–114.
- Врублевская О.В. Языковая мода в русской ономастике. Волгоград : Перемена, 2017. 329 с.
- Галяпина В.Н. Влияние принадлежности супругов к разным этносам на неудовлетворенность супружескими взаимоотношениями : дисс. ... канд. психол. наук. Москва, 2002. 230 с.
- Гриценко В.В. Социально-психологический климат вокруг национально-смешанных семей // Этнические факторы в жизни общества. Москва : Институт этнологии и антропологии АН СССР, 1991. С. 53–62.
- Дугарова Т.Ц. Особенности этнического самосознания современных бурят России : автореферат дис. ... доктора психологических наук. [Место защиты: Моск. пед. гос. ун-т]. Москва, 2010. 45 с.
- Дырхеева Г.А. Языковая ситуация в Республике Бурятия // Мир Большого Алтая. — 2018. — № 4 (2). — С. 302–320. doi: 10.31551/2410-2725-2018-4-2-302-320
- Ильин Е.П. Психология взрослости : учебное пособие. Санкт-Петербург : Питер, 2012. 544 с. ISBN 978-5-459-00762-6
- Махарова Г.С. Национально-смешанные браки в Республике Бурятия на современном этапе : автореф. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ : БГУ, 2003.
- Сикевич З.В., Поссель Ю.А. Структура и типология этнической идентичности членов межэтнических и моноэтнических семей (сравнительный анализ) // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 1. С. 121–136. doi: 10.19181/socjour.2018.25.1.6282.
- Соболевская О.В. Смешанные браки измеряют дистанцию между этносами [Электронный ресурс] // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» : [сайт]: URL: <https://iq.hse.ru/news/177665069.html> — (дата обращения 12.01.2021).
- Степанова А.А. Этническая идентичность и языковое сознание носителей бурятского языка: социо- и психолингвистические исследования // Вопросы психолингвистики. 2016. № 4 (30). С. 206–215.
- Ташева А.И., Гриднева С.В., Стефаненко Т.Г., Тихомандрицкая О.А. Этнически смешанные браки сквозь призму феномена удовлетворенности супружеством // Российский психологический журнал. 2016. № 3. С. 39–52. doi: 10.21702/rpj.2016.3.3
- Трифонов А.Т. Современные межэтнические семьи: ценностные ориентации. Улан-Удэ : Бурятский госуниверситет, 2014. 128 с.
- Федеральная служба государственной статистики. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года в отношении демографических и социально-экономических характеристик отдельных национальностей. — Москва : ИИЦ «Статистика России», 2010.
- Abela, A., & Walker, J. (2014). Contemporary issues in family studies: Global perspectives on partnerships, parenting and support in a changing world. New York: John Wiley & Sons, Ltd
- Albarracin, D., & Shavitt, S. (2018). Attitudes and Attitude Change. *Annual review of psychology*, 69, 299–327. doi: 10.1146/annurev-psych-122216-011911
- Bhugra, D., & De Silva, P. (2000). Couple therapy across cultures. *Sexual and Relationship Therapy*, 15 (2), 183–192. doi: 10.1080/14681990050010763
- Bin-Tahir, S., Bugis, R., & Tasiana, R. (2017). Intercultural Communication Of A Multicultural Family In Buru Regency. *Lingual: Journal Of Language And Culture*, 4 (2), 8. doi: 10.24843/LJLC.2017.v04.i02.p02
- Bramlett, Matthew & Mosher, William. (2002). Cohabitation, Marriage, Divorce, and Remarriage in the United States. Vital and health statistics. Series 23, Data from the National Survey of Family Growth. 23. 1–93
- Buss, D.M. & Schmitt, D.P. (1993). Sexual strategies theory: A contextual evolutionary analysis of human mating. *Psychological Review*, 100:204–32
- Campbell, Kelly & Silva, Luciana & Wright, David. (2012). Intercultural Relationships: Entry, Adjustment, and Cultural Negotiations. *Journal of Comparative Family Studies*. 43. 857–870. doi: 10.2307/41756274
- Centers, R. (1975). Sexual attraction and love: An instrumental theory. Springfield, IL: C.C. Thomas
- Chang, H.-C. (2016). Marital Power Dynamics and Well-Being of Marriage Migrants. *Journal of Family Issues*, 37 (14), 1994–2020. doi: 10.1177/0192513X15570317
- Chebotareva, E.Y., & Volk, M.I. (2020). Life and Family Values Similarity in Inter-Ethnic and Inter-Faith Couples. *Behavioral Sciences* (2076-328X), 10 (1), 38. doi: 10.3390/bs10010038
- Fletcher, Courtney & Nakazawa, Masato & Chen, Yea-Wen & Oetzel, John & Ting-Toomey, Stella & Chang, Shau-Ju & Zhang, Qin. (2014). Establishing Cross-Cultural Measurement Equivalence of Scales Associated with Face-Negotiation Theory: A Critical Issue in Cross-Cultural Comparisons. *Journal of International and Intercultural Communication*, 7, 148–169. doi: 10.1080/17513057.2014.898364
- Fu, X., Tora, J., & Kendall, H. (2001). Marital happiness and inter-racial marriage: A study in a multi-ethnic community in Hawaii. *Journal of Comparative Family Studies*, 32 (1), 47. doi: 10.3138/jcfs.32.1.47
- Fu, X. (2006). Impact of socioeconomic status on inter-racial mate selection and divorce, *The Social Science Journal*, 43:2, 239–258, doi: 10.1016/j.soscij.2006.02.004
- Galchenko, Irina & Van de Vijver, Fons. (2007). The role of perceived cultural distance in the acculturation of exchange students in Russia. *International Journal of Intercultural Relations*. 31, 181–197. doi: 10.1016/j.ijintrel.2006.03.004
- Gaspar, S., Ferreira, A. C., & Ramos, M. (2017). European bi-national marriages in Portugal and EU social integration. *Portuguese Journal of Social Science*, 16 (3), 393–410. doi: 10.1386/pjss.16.3.393_1
- Gorenburg, D. (2006). Rethinking Interethnic Marriage in the Soviet Union. *Post-Soviet Affairs*, 22:2, 145–165. doi: 10.2747/1060-586X.22.2.145

- Hamayon, R. N. (1998). Shamanism, Buddhism and epic heroism: Which supports the identity of the post-Soviet Buryats? *Central Asian Survey*, 17:1, 51–67. doi: 10.1080/02634939808401023
- Hayford, S.R., Guzzo, K.B., & Smock, P.T. (2014). The decoupling of marriage and parenthood? Trends in the timing of marital first births, 1945–2002. *Family Relation*, 76 (3), 520–538. doi: 10.1111/jomf.12114
- Heikkilä, E., & Rauhut, D. (Eds.) (2015). *Marriage Migration and Multicultural Relationships*. Institute of Migration, Migration Studies C 25. Turku: Siirtolaisuusinstituuti
- Henrich, Joseph & Boyd, Robert & Richerson, Peter. (2012). The Puzzle of Monogamous Marriage. *Philosophical transactions of the Royal Society of London. Series B, Biological sciences*, 367, 657–69. doi: 10.1098/rstb.2011.0290
- Holland, E.C. (2014). Religious practice and belief in the Republic of Buryatia: comparing across faiths and national groups. *Nationalities Papers*, 42:1, 165–180, doi: 10.1080/00905992.2013.853032
- Kroeger, R.A., & Williams, K. (2007). Interracial relationships and psychological well-being among young adults in contemporary society. *Annual Meeting of the American Sociological Association*
- Markus, H.R., & Kitayama, S. (1998). The cultural psychology of personality. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 29 (1), 63–87. doi: 10.1177/0022022198291004
- Matysiak, A., Styrac, M. & Vignoli, D. (2012). The educational gradient in marital disruption: A meta-analysis of European research findings. *Population Studies*, 68 (2), 197–215. doi: 10.1080/00324728.2013.856459
- McDoom, O.S. (2019). Ethnic inequality, cultural distance, and social integration: evidence from a native-settler conflict in the Philippines. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 45:9, 1532–1552. doi: 10.1080/1369183X.2018.1427566
- Mcfadden, J., & Moore, J. L. (2001). Intercultural marriage and intimacy: Beyond the continental divide. *International Journal for the Advancement of Counselling* 23, 261–268. doi: 10.1023/A:1014420107362
- Novara, C., Serio, C., Lavanco, G., Schirinzi, M. and Moscato, G. (2020). Identity, Couple and Intergroup Dynamics in Intercultural Families: Implications on Life Satisfaction of Partners. *Fam. Proc.*, 59: 709–724. doi: 10.1111/famp.12437
- Puohiniemi, M., & Verkasalo, M. (2020). Zeitgeist Effects, Fragmentation of Media Use, and Value Consensus. *Journal of Social and Political Psychology*, 8 (1), 300–332. doi: 10.5964/jspp.v8i1.1117
- Quisumbing, A.R., & Hallman, K. (2003). *Marriage in transition: Evidence on age, education, and assets from six developing countries*. New York: Population Council, Policy Research Division Working Papers No. 183
- Rahnu, Leen & Puur, Allan & Kleinepier, Tom & Tammaru, Tiit. (2020). The Role of Neighbourhood and Workplace Ethnic Contexts in the Formation of Inter-ethnic Partnerships: A Native Majority Perspective. *European Journal of Population*. 36. doi: 10.1007/s10680-019-09528-x
- Rezadost, K., & Mombeni, I. (2011). The relationship between late marriage, income, the level of education, and other factors in employed women. *Journal of Applied Counseling*, 1 (1), 105–122
- Roof, W. C. (1998). “Religious Borderlands: Challenges for Future Study?” *Journal for the Scientific Study of Religion*, 37 (1): 1–14
- Skowronski, Dariusz & Cherie, Toh & Fernandez, Tricia & Danx, Daniel & Wan, Michelle & Waszyńska, Katarzyna. (2014). Introductory Analysis of Factors Affecting Intercultural Couples in the Context of Singapore. *Educational Studies*. 263–268. doi: 10.14746/se.2014.30.15
- Troy, A.B., Lewis-Smith, J., & Laurenceau, J.-P. (2006). Interracial and intraracial romantic relationships: The search for differences in satisfaction, conflict, and attachment style. *Journal of Social and Personal Relationships*, 23 (1), 65–80. doi: 10.1177/0265407506060178
- Walker RS, Hill KR, Flinn MV, Ellsworth RM (2011). Evolutionary History of Hunter-Gatherer Marriage Practices. *PLoS ONE*, 6 (4): e19066. doi: 10.1371/journal.pone.0019066
- Yang, W. S., & Yen, P. C. (2014). Single and happier? A comparative study of marital status, socioeconomic security and wellbeing of women in Hong Kong and Taiwan. *The Springer Series on Demographic Methods and Population Analysis*, 35, 81–97
- Zhukovskaya, N. L. (1992). Buddhism and problems of national and cultural resurrection of the Buryat nation, *Central Asian Survey*, 11:2, 27–41, doi: 10.1080/02634939208400770

References:

- Abela, A., & Walker, J. (2014). *Contemporary issues in family studies: Global perspectives on partnerships, parenting and support in a changing world*. New York: John Wiley & Sons, Ltd. doi: 10.1002/9781118320990
- Alagueva V.P. (2006). The golden book on Buryats. Ulan-Udje, pp. 35–37. (in Russ.)
- Albarracin, D., & Shavitt, S. (2018). Attitudes and Attitude Change. *Annual review of psychology*, 69, 299–327. doi: 10.1146/annurev-psych-122216-011911
- Bhugra, D., & De Silva, P. (2000). Couple therapy across cultures. *Sexual and Relationship Therapy*, 15 (2), 183–192. doi: 10.1080/14681990050010763
- Bin-Tahir, S., Bugis, R., & Tasiana, R. (2017). Intercultural Communication Of A Multicultural Family In Buru Regency. *Lingual: Journal Of Language And Culture*, 4 (2), 8. doi: 10.24843/LJLC.2017.v04.i02.p02
- Bokova T.L. (2007). Main tendencies in the development of multiethnic family in Russian society. *Bulletin of Tomsk polytechnic university. [Izvestija Tomskogo politehnicheskogo universiteta]*, 7 (11), 101–114. (in Russ.)
- Bramlett, Matthew & Mosher, William. (2002). Cohabitation, Marriage, Divorce, and Remarriage in the United States. Vital and health statistics. Series 23, Data from the National Survey of Family Growth. 23. 1–93
- Buss, D.M. & Schmitt, D.P. (1993). Sexual strategies theory: A contextual evolutionary analysis of human mating. *Psychological Review*, 100:204–32. doi: 10.1037/0033-295X.100.2.204
- Campbell, Kelly & Silva, Luciana & Wright, David. (2012). Intercultural Relationships: Entry, Adjustment, and Cultural Negotiations. *Journal of Comparative Family Studies*. 43. 857–870. doi: 10.2307/41756274
- Centers, R. (1975). *Sexual attraction and love: An instrumental theory*. Springfield, IL: C.C. Thomas

- Chang, H.-C. (2016). Marital Power Dynamics and Well-Being of Marriage Migrants. *Journal of Family Issues*, 37 (14), 1994–2020. doi: 10.1177/0192513X15570317
- Chebotareva, E.Y., & Volk, M.I. (2020). Life and Family Values Similarity in Inter-Ethnic and Inter-Faith Couples. *Behavioral Sciences* (2076-328X), 10 (1), 38. doi: 10.3390/bs10010038
- Dugarova T.C. (2010). Peculiarities of ethnic identity of modern Russian Buryats. Summary of DrHabil in Psychology. Moscow, MPGU, 45 p. (in Russ.)
- Dyrheeva G.A. (2018). Language situation in the Republic of Buryatia. *The World of Greater Altai. [Mir Bol'shogo Altaja]*, 4 (2), 302–320. doi: 10.31551/2410-2725-2018-4-2-302-320. (in Russ.)
- Federal State Statistics Service. Results of the 2010 All-Russian census with respect to demographic and social-economic characteristics of particular ethnic groups. Moscow: IIC “Statistika Rossii”. (in Russ.)
- Fletcher, Courtney & Nakazawa, Masato & Chen, Yea-Wen & Oetzel, John & Ting-Toomey, Stella & Chang, Shau-Ju & Zhang, Qin. (2014). Establishing Cross-Cultural Measurement Equivalence of Scales Associated with Face-Negotiation Theory: A Critical Issue in Cross-Cultural Comparisons. *Journal of International and Intercultural Communication*, 7, 148–169. doi: 10.1080/17513057.2014.898364
- Fu, X. (2006). Impact of socioeconomic status on inter-racial mate selection and divorce, *The Social Science Journal*, 43:2, 239–258, doi: 10.1016/j.soscij.2006.02.004
- Fu, X., Tora, J., & Kendall, H. (2001). Marital happiness and inter-racial marriage: A study in a multi-ethnic community in Hawaii. *Journal of Comparative Family Studies*, 32 (1), 47. doi: 10.3138/jcfs.32.1.47
- Galchenko, Irina & Van de Vijver, Fons. (2007). The role of perceived cultural distance in the acculturation of exchange students in Russia. *International Journal of Intercultural Relations*. 31, 181–197. doi: 10.1016/j.ijintrel.2006.03.004
- Galjapina V.N. (2002). Influence of ethnic differences between wife and husband on dissatisfaction with marriage relationship. PhD dissertation in Psychology. Moscow, 230 p. (in Russ.)
- Gaspar, S., Ferreira, A. C., & Ramos, M. (2017). European bi-national marriages in Portugal and EU social integration. *Portuguese Journal of Social Science*, 16 (3), 393–410. doi: 10.1386/pjss.16.3.393_1
- Gorenburg, D. (2006). Rethinking Interethnic Marriage in the Soviet Union. *Post-Soviet Affairs*, 22:2, 145–165. doi: 10.2747/1060-586X.22.2.145
- Gricenko V.V. (1991). Social-psychological climate surrounding multiethnic families. *Ethnic factors in the life of society. [Jenicheskije faktory v zhizni obshchestva]*, Moscow: Institut jetnologii i antropologii AN SSSR, pp. 53–62. (in Russ.)
- Hamayon, R.N. (1998). Shamanism, Buddhism and epic heroism: Which supports the identity of the post-Soviet Buryats? *Central Asian Survey*, 17:1, 51–67, doi: 10.1080/02634939808401023
- Hayford, S.R., Guzzo, K.B., & Smock, P.T. (2014). The decoupling of marriage and parenthood? Trends in the timing of marital first births, 1945–2002. *Family Relation*, 76 (3), 520–538. doi: 10.1111/jomf.12114
- Heikkilä, E., & Rauhut, D. (Eds.) (2015). Marriage Migration and Multicultural Relationships. Institute of Migration, Migration Studies C 25. Turku: Siirtolaisuusinstituutti
- Henrich, Joseph & Boyd, Robert & Richerson, Peter. (2012). The Puzzle of Monogamous Marriage. *Philosophical transactions of the Royal Society of London. Series B, Biological sciences*, 367, 657–69. doi: 10.1098/rstb.2011.0290
- Holland, E.C. (2014). Religious practice and belief in the Republic of Buryatia: comparing across faiths and national groups. *Nationalities Papers*, 42:1, 165–180, doi: 10.1080/00905992.2013.853032
- Il'in E.P. (2012). Psychology of adulthood: handbook. Saint Petersburg: Piter, 544 p. ISBN 978-5-459-00762-6 (in Russ.)
- Kroeger, R.A., & Williams, K. (2007). Interracial relationships and psychological well-being among young adults in contemporary society. *Annual Meeting of the American Sociological Association*
- Maharova G.S. (2003). Mixed-ethnicity marriages in the Republic of Buryatia nowadays. Summary of PhD dissertation in History. Ulan-Udje: BGU. (in Russ.)
- Markus, H.R., & Kitayama, S. (1998). The cultural psychology of personality. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 29 (1), 63–87. doi: 10.1177/0022022198291004
- Matysiak, A., Styr, M. & Vignoli, D. (2012). The educational gradient in marital disruption: A meta-analysis of European research findings. *Population Studies*, 68 (2), 197–215. doi: 10.1080/00324728.2013.856459
- McDoom, O.S. (2019). Ethnic inequality, cultural distance, and social integration: evidence from a native-settler conflict in the Philippines. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 45:9, 1532–1552. doi: 10.1080/1369183X.2018.1427566
- Mcfadden, J., & Moore, J.L. (2001). Intercultural marriage and intimacy: Beyond the continental divide. *International Journal for the Advancement of Counselling* 23, 261–268. doi: 10.1023/A:1014420107362
- Novara, C., Serio, C., Lavanco, G., Schirinzi, M. and Moscato, G. (2020). Identity, Couple and Intergroup Dynamics in Intercultural Families: Implications on Life Satisfaction of Partners. *Fam. Proc.*, 59: 709–724. doi: 10.1111/famp.12437
- Puohiniemi, M., & Verkasalo, M. (2020). Zeitgeist Effects, Fragmentation of Media Use, and Value Consensus. *Journal of Social and Political Psychology*, 8 (1), 300–332. doi: 10.5964/jpspp.v8i1.1117
- Quisumbing, A.R., & Hallman, K. (2003). Marriage in transition: Evidence on age, education, and assets from six developing countries. New York: Population Council, Policy Research Division Working Papers No. 183. doi: 10.31899/pgy6.1089
- Rahnu, Leen & Puur, Allan & Kleinepier, Tom & Tammaru, Tiit. (2020). The Role of Neighbourhood and Workplace Ethnic Contexts in the Formation of Inter-ethnic Partnerships: A Native Majority Perspective. *European Journal of Population*. 36. doi: 10.1007/s10680-019-09528-x
- Rezadost, K., & Mombeni, I. (2011). The relationship between late marriage, income, the level of education, and other factors in employed women. *Journal of Applied Counseling*, 1 (1), 105–122
- Roof, W.C. (1998). “Religious Borderlands: Challenges for Future Study.” *Journal for the Scientific Study of Religion*, 37 (1): 1–14. doi: 10.2307/1388025

- Sikevich Z.V., Possel' Ju.A. (2019). Structure and typology of ethnic identities in members of single-ethnic and multiethnic families (comparative analysis). *Journal of Sociology*. [Sociologicheskij zhurnal], 25 (1), 121–136. doi: 10.19181/socjour.2018.25.1.6282. (in Russ.)
- Skowronski, Dariusz & Cherie, Toh & Fernandez, Tricia & Danx, Daniel & Wan, Michelle & Waszyńska, Katarzyna. (2014). Introductory Analysis of Factors Affecting Intercultural Couples in the Context of Singapore. *Educational Studies*. 263–268. doi: 10.14746/se.2014.30.15
- Sobolevskaja O.V. Multiethnic maggiages measure distance between ethnic communities [Electronic resource] // National Research University Higher School of Economics: [site]: URL: <https://iq.hse.ru/news/177665069.html> — (accessed 02.05.2020). (in Russ.)
- Stepanova A.A. (2016). Ethnic identity and language identity in Buryat-speaking people: social and psycholinguistic studies. *Issues of psycholinguistics*. [Voprosy psiholingvistiki], 4 (30), 206–215. (in Russ.)
- Tashheva A.I., Gridneva S.V., Stefanenko T.G., Tihomandrickaja O.A. (2016). Mixed-ethnicity marriages through the lens of satisfaction with marriage. *Russian psychological journal*. [Rossijskij psihologicheskij zhurnal], 3, 39–52. doi: 10.21702/rpj.2016.3.3 (in Russ.)
- Trifonova A.T. (2014). Modern multicultural families: value orientation. Ulan-Udje: Burjatskij gosuniversitet, 128 p. (in Russ.)
- Troy, A.B., Lewis-Smith, J., & Laurenceau, J.-P. (2006). Interracial and intraracial romantic relationships: The search for differences in satisfaction, conflict, and attachment style. *Journal of Social and Personal Relationships*, 23 (1), 65–80. doi: 10.1177/0265407506060178
- Vrublevskaja O.V. (2017). Language trends in Russian onomastics. Volgograd: Peremena, 329 p. (in Russ.)
- Walker RS, Hill KR, Flinn MV, Ellsworth RM (2011). Evolutionary History of Hunter-Gatherer Marriage Practices. *PLoS ONE*, 6 (4): e19066. doi: 10.1371/journal.pone.0019066
- Yang, W.S., & Yen, P.C. (2014). Single and happier? A comparative study of marital status, socioeconomic security and wellbeing of women in Hong Kong and Taiwan. *The Springer Series on Demographic Methods and Population Analysis*, 35, 81–97. doi: 10.1007/978-94-007-7445-2_5
- Zhukovskaya, N.L. (1992). Buddhism and problems of national and cultural resurrection of the Buryat nation, *Central Asian Survey*, 11:2, 27–41, doi: 10.1080/02634939208400770